

Игорь Орлав

Идеальный свидетель

КодМЫ

Психологический
триллер

Игорь Орлав

Идеальный свидетель

«Автор»

2026

Орлав И.

Идеальный свидетель / И. Орлав — «Автор», 2026

После исчезновения Лиды Матвей узнаёт, что близкие уже всё объяснили: мать ждёт её успехов на новой работе, подруга оберегает право уйти, коллега перестраивает заказы. Никто не сомневается — и никто не знает, где она. Только оставленный на кухне термос не вписывается в картину отъезда. Проверяя чужие слова, Матвей обнаруживает, что каждому досталась своя убедительная история. Кто успел подготовить эти версии? И сколько правды о Лиде он сам предпочитал не слышать?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Блюдец	5
2. Собранные вещи	8
3. Семейные дела	11
4. До утра	14
5. Коробка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Орлав

Идеальный свидетель

1. Блюдце

Серое силиконовое кольцо соскользнуло с Лидино пальца и легло на белое блюдце. Она поправила его ногтем, чтобы лежало ровно, не касаясь края, и поставила блюдце за краном.

— До утра не трогай. Я его наконец отмываю.

Матвей кивнул. На столе перед ним лежал радиоприёмник без задней крышки, и маленький винт, который он только что видел, опять потерялся среди хлебных крошек. Он провёл ладонью по клеёнке.

— Если ищешь винтик, он у тебя на рукаве, — сказала Лида.

Матвей поднял локоть. Винт упал на пол.

— Теперь уже нет.

Она засмеялась, присела рядом с ним, и они стукнулись лбами под столом. Некоторое время оба сидели на корточках, держась за головы. Из квартиры сверху доносился длинный скрип: там каждый вечер двигали что-то тяжёлое, но никогда не роняли.

— Они строят корабль, — сказала Лида. — Третий год. Через окно спустят.

— Придётся разбирать балкон.

— Наш. Они свой берегут.

Винт нашёлся у ножки стула. Матвей зажал его в кулаке, другой рукой помог Лиде подняться. Она была в шерстяных носках разного цвета, хотя оба, по её словам, относились к одной паре: серый просто когда-то попал в стирку с тёмным полотенцем. Каштановые волосы у подбородка загнулись внутрь от сырости. Ей всегда не нравилось, когда он пытался их пригладить, но сейчас она сама упёрлась лбом ему в плечо.

— Я сегодня пять часов клеила угол. Один угол, Матвей.

— Большой?

— Очень упрямый.

Он положил ладонь ей между лопаток. На свитере была бумажная пыль. Раньше она работала дома, и такая пыль оказывалась на диване, в чашках, даже внутри его ботинок. После того как Лида пришла в «Лист», дома стало чище, а её вечера сделались короче. Она приносила работу на пальцах: белёсую полоску клея, порез от листа, зелёное пятно краски, которое показывала как находку.

— В холодильнике суп, — сказал он.

— Я знаю. Я туда смотрела и закрыла.

— Он тебе что-то сказал?

— Мы уже всё друг другу сказали вчера.

Они решили идти в кафе у остановки. Матвей собрал приёмник, отнёс его на комод и проверил, не осталось ли на кухне инструментов. Лида тем временем полила папоротник на подоконнике: батарея уже грела, и земля за день высохла. На стенном крючке рядом с её рабочей связкой висел маленький ключ от кладовой «Листа», с красным пластиковым колпачком. Она сняла его и пристегнула к остальным.

— У Сергея опять единственный потерялся? — спросил Матвей.

— Нет, он просто выдал мне нормальный комплект. У Виктора ещё есть.

Матвей надел куртку. Из внутреннего кармана достал чужую квитанцию, сложил и положил на комод. Лида ждала у двери, прижимая каблук второй ботинок.

— Наш запасной тоже всё ещё у него?

— У Вити? Да. После отпуска не забирали. А что?

— Просто вспомнила.

В кафе понедельник означал отсутствие музыки и много свободных столов. Девушка за стойкой училась по тетради, прикрывая её меню при каждом посетителе. Телевизор над кофемашиной показывал старый фильм без звука. Они сели сбоку, чтобы не запрокидывать головы, заказали два пирога с капустой и чайник. Лида сняла шарф и положила на свободный край стола, подальше от Матвея: у него уже лежали там мокрые перчатки.

На экране мужчина в пиджаке осторожно входил в большую комнату.

— Я принёс справку, что имею право на тапочки, — негромко сказал Матвей.

Лида посмотрела на женщину у окна. Та обернулась и долго молчала, шевеля губами только в конце кадра.

— Заверяли у домоуправа?

— У двух. Второй на всякий случай.

— А где копия?

Мужчина схватился за сердце. Матвей издал тонкое жалобное мычание. Лида отвернулась к стеклу, чтобы не рассмеяться в голос. В отражении были видны её круглое лицо и его длинное, узкое, с красной полоской на лбу от недавнего столкновения. Вместе они казались случайными пассажирами одного вагона, застигнутыми камерой в минуту, когда оба придумали что-то неприлично смешное.

Вошёл другой персонаж, с портфелем, и стал торжественно говорить. Лида постучала ногтем по столу: два коротких удара, небольшая пауза, ещё три.

— Чужой текст, — шепнула она.

Это правило появилось зимой. Если дубляж совсем расходился с лицом актёра, полагалось предупредить этими пятью ударами и дать ему сказать хоть одну честную фразу. Матвей придумал было звонить ложкой по чашке, но официантка каждый раз приходила узнать, чего они хотят.

— Я не понимаю, зачем меня позвали, — сказал он за человека с портфелем.

— Вот теперь верю, — ответила Лида.

Им принесли пироги. У неё оказался подгоревший уголок, и Матвей, не спрашивая, поменял тарелки. Она сначала хотела возразить, потом придвинула к нему сахарницу. Он любил именно этот край, где капуста почти высыхала и начинка держалась на тонком тесте.

— Смотри, что Андрей прислал.

Лида показала телефон. В общем чате обсуждали осеннюю дворовую выставку. На фотографии стоял одноэтажный корпус с длинными окнами; возле ворот Андрей и Виктор держали между собой деревянную стойку. Над дверью сохранилась бледная полоса от вывески, сбоку виднелись облезлые буквы «переплёт». Фотография была летняя, с жёсткими тенями и открытыми руками.

— Старая переплётная, — сказала Лида. — Я всё хочу снова внутрь зайти. Там раньше такие прессы были. Не для красоты, настоящие.

— Виктор говорил, они туда декорации свозят.

— Он много куда свозит.

Матвей потянулся за чаем. Лида убрала телефон, развернула его экраном к столу.

— Помнишь лампу Веры Лукиной? С зелёным абажуром, на прошлой выставке?

— Помню. Она ещё спорила, что подставка не та.

— Подставка как раз была та. Она про шкаф спрашивала.

— Музыкальный?

— Да. Витя сказал, что она сама просила продать. А Вера говорит, ничего подобного. И бумагу я видела...

Девушка за стойкой уронила ложки. Матвей повернулся на звон, машинально отмечая, как он отразился от кафеля. Лида подождала.

— Какую бумагу?

— Расписку. Там странно сделано. Я хочу тебе спокойно показать, когда разберусь.

— Ну покажи. Только не сегодня, ладно? Я от этих чужих ремонтов уже слова пропускаю.

— Ты их и сейчас пропускаешь.

Он хотел сказать, что слышал всё, но она взяла пирог двумя руками, и спор сделался бы совсем ненужным. Матвей отломил свой подгоревший край.

— Завтра поговорим. Если Вера не разрешала, надо с ней вместе сесть и выяснить. Витя же не станет...

Он не закончил. Вера на выставках бывала настойчива, перебивала, требовала немедленно переставлять вещи. Виктор же приезжал раньше всех, привозил столы, находил удлинители, потом ещё отвозил старших по домам. Матвею не хотелось проводить их единственный свободный вечер внутри чужой обиды.

Лида согрела пальцы о чашку.

— Я не прошу тебя сейчас никого судить.

— Я и не сужу.

— Хорошо.

Она произнесла это спокойно, и он разрешил себе решить, что разговор действительно закончен. На экране открылась дверь, мужчина с портфелем снова вошёл в ту же комнату.

Матвей постучал два раза, потом три.

— Я забыл, где оставил тапочки.

Лида улыбнулась, но уже не стала озвучивать женщину у окна.

Домой они шли медленно. У перехода Лида сунула холодную руку ему в карман и нащупала ещё один винтик. Матвей пообещал построить из накопившегося железа собственный корабль. Она сказала, что сначала неплохо бы прикрутить ручку кухонного шкафа. Дома он действительно нашёл отвёртку и занялся ручкой, пока Лида готовила одежду на завтра. Стальной термос стоял открытым возле мойки. Белое блюдо он отодвинул, освобождая место для локтя, и больше на него не смотрел.

2. Собранные вещи

Во вторник утром они разминулись в прихожей. Лида искала проездную карточку в боковом отделении повседневной сумки, Матвей пытался одновременно завязать шнурок и прочесть сообщение клиента. У открытого термоса на кухне лежала чистая крышка.

— Вечером поем дома, — сказала Лида.

— Суп?

— Суп. Не переселяй его пока.

Она нашла карточку и подняла её двумя пальцами. Он открыл дверь, придержал, пропуская Лиду вперёд. Внизу она пошла к остановке, а он свернул во двор к своей мастерской. На этом их обычное утро закончилось, хотя понял он это гораздо позже.

В начале пятого Матвей позвонил ей узнать, купить ли хлеб. Вызов прошёл без ответа. Он положил телефон рядом с магнитофоном, который зажёвывал ленту только в собранном виде, и снова снял панель. Через несколько минут пришло сообщение: «Уехала. Вещи заберу потом. Мне нужно побыть одной. Пожалуйста, не ищи».

Матвей прочёл его стоя. Потом сел на высокий табурет. Магнитофон продолжал шуршать, на приёмной катушке понемногу нарастал неровный блестящий слой. Он выключил питание и нажал на имя Лиды. В этот раз телефон оказался недоступен.

Он написал: «Ты где?» Стереть после отправки было уже поздно. Затем написал ещё: «Просто скажи, что всё в порядке». Поставил точку, убрал точку. Сообщение осталось с одной отметкой доставки.

Клиент зашёл за радио около пяти. Матвей выдал ему аппарат, положил в пакет старую деталь, как делал всегда, и не взял деньги. Клиент сам напомнил и ещё спросил, всё ли нормально. Матвей ответил, что да, просто плохо спал. Закрывая мастерскую, он дважды возвращался проверить паяльник.

Дома пахло чаем. Этот запах на секунду помог: значит, Лида возвращалась, была здесь после него, делала самые обычные вещи. Он позвал её из прихожей и сразу почувствовал нелепость своего голоса.

На кухонном стуле стояла зелёная дорожная сумка. Они брали её летом на четыре дня за город; после этого Лида убрала её на верхнюю полку шкафа. Теперь молния расходилась посередине, между краями торчал рукав синей футболки. Матвей стянул куртку, не попав на крючок, поднял её и повесил как следует.

У сумки было мокрое дно.

Он сначала подумал, что протекла бутылка. Расстегнул молнию. Внутри лежали две футболки, джинсы, полотенце, пакет с бельём и стальной термос. Вещей было мало, как для короткой поездки, и почти все с одной полки. Лида не взяла тёплый домашний кардиган; в октябре она носила его каждое утро.

Матвей вытащил термос. Он был едва тёплый. По стальному боку скользнула капля, упала на стул. Он повернул крышку, увидел чай с плавающим кусочком лимона и вдруг вспомнил пальцы Лиды, серое кольцо, звук блюдца.

Блюдце по-прежнему стояло за краном. На нём лежало сухое кольцо.

Матвей поставил термос в мойку. Она торопилась. Решила уйти и торопилась так, что забыла прокладку, а потом передумала брать сумку. Или чай протёк, и она бросила всё здесь. Он перебирал эти объяснения и замечал в каждом одно и то же неудобство: утром она собиралась есть суп.

Он вынул мокрую футболку. Чайное пятно темнело на груди, словно ткань ещё продолжала впитывать воду. Матвей хотел сразу замочить её, но остановился, не понимая почему, и положил обратно на край сумки. Проверил спальню, ванную, маленькую полку у зеркала.

Щётка Лиды осталась в стакане. Рабочие кроссовки стояли под вешалкой, уличных ботинок не было.

Он позвонил Нине Павловне.

— Она уже доехала? — спросила та вместо приветствия.

Матвей прислонился к стене.

— Куда?

— Так я и не поняла название. Там за городом ещё ехать до цеха. Ты разве не отвозил?

— Какого цеха?

Нина Павловна помолчала. На фоне шумела вода, потом шум оборвался.

— Матвей, может, вы повздорили, но это же работа. Ей предложили на месяц. Бумажные эти, как их, макеты. Хорошо платят. Она не должна вечно ждать, когда Сергей рассчитается.

— Лида тебе сказала?

— Витя сообщил. Она попросила. У неё сборы, дорога. Я не стала названивать, там днём связь плохая.

— Она тебе сама звонила?

— Ты меня слышишь? Я только что объяснила.

Он услышал обиду, с которой Нина Павловна защищала ещё не полученную дочь работу. Спросил, когда говорил Виктор. Сегодня, после обеда. Названия мастерской мать не знала, адреса тоже. Она повторила, что Лида давно заслужила самостоятельное дело, и попросила Матвея не начинать с тревоги.

— Я ей напишу, пусть ответит вечером, — сказала она. — Только не надо сразу десять сообщений. Она от этого закрывается.

Матвей посмотрел на свои два сообщения без ответа и не стал говорить о дорожной сумке.

Рита ответила не сразу. В трубке гудела швейная машина, затем щёлкнула дверь.

— Да.

— Лида у тебя?

— Нет.

— Она написала, что уехала. Ты знаешь куда?

— Если захочет, сама скажет.

— Рита, я спрашиваю, ты её сегодня видела?

— Не видела. Матвей, остановись на минуту. Не надо сейчас всех обходить.

Он отнял телефон от уха и посмотрел на экран, как будто там могло оказаться имя другого человека.

— Я только что говорил с её мамой. Она думает, Лида на работе в другом городе.

— Может, так ей спокойнее.

— А тебе спокойнее как?

— Мне не спокойнее. Мне важно, чтобы человек мог выйти из дома без допроса.

Он собрался возразить, но вспомнил, как несколько лет назад Рита переезжала после развода в прежнюю квартиру: коробки в ателье, телефон экраном вниз, её резкое «не говори ему ничего», обращённое ко всем сразу. Тогда Виктор нашёл машину и грузчиков. Матвей носил вниз мешки с тканью и злился на человека, который не давал ей спокойно уехать.

— Кто сказал тебе, что я её допрашиваю?

— Никто. Я про сейчас.

— У меня на кухне её сумка. Собранная. И термос потёк на вещи.

— Значит, не взяла. Купит другие.

— Она позавчера полвечера пришивала пуговицу к этим джинсам. Чтобы не покупать другие.

Рита выдохнула. За её спиной снова загудела машина.

— Я попробую ей дозвониться. И ты не пиши ей гадостей.

— Я не писал.

— Хорошо.

После разговора он вернулся в прихожую, снял ключи с крючка и сунул в карман. Из-под неплотно застёгнутой сумки на стуле медленно вытекала новая капля. Матвей подставил полотенце. В кармане завибрировал телефон: рекламное сообщение от магазина, где они месяц назад покупали лампочки. Он удалил его с такой злостью, что промахнулся и сначала открыл.

3. Семейные дела

В «Листе» ещё горел свет. За стеклянной дверью лежал свернувшийся коврик, на котором обычно вытирали ноги. Сергей поднимал его одной рукой, другой придерживая телефон у уха. Увидев Матвея, он сделал знак подождать.

— Не завтра, — говорил он. — Я вам только что сказал. В пятницу. Сегодня нет мастера. Сергей закончил разговор, потёр переносицу дужкой очков и отпер дверь.

— Ты за её вещами?

— За какими вещами?

— Ну, я не знаю. Она что-то оставила.

В мастерской пахло мокрым картоном и клеем. На большом столе лежал раскрытый альбом, страницы которого были проложены полосами бумаги. Лидина кружка стояла возле маленького прессы вверх дном на тряпке. Матвей видел всё это много раз, когда заходил за ней вечером, но сейчас каждый предмет казался ответом на вопрос, который он ещё не придумал.

— Она сегодня работала?

— До обеда. Потом ушла.

— Во сколько?

— Я не засекал. После двенадцати, наверное. Она тебе не позвонила?

— Написала. Я хочу понять, что произошло.

Сергей повесил коврик на спинку стула и посмотрел на Матвея поверх очков.

— Слушай, у всех бывают семейные дела. Не обязан же человек докладывать мне, что у него дома.

— Какие семейные дела?

— Ты серьёзно спрашиваешь?

— Сергей. Её мать уверена, что она поехала на месяц в другой город. Рита думает, она от меня прячется. Ты сейчас говоришь про семью. Я серьёзно спрашиваю.

Сергей снял очки совсем. На переносице остались две розовые вмятины.

— Мне Витя сказал, что ей срочно надо уехать. По семейным обстоятельствам. И чтобы я не обсуждал. Заказ передал другому человеку, всё.

— Лида сама ничего не говорила?

— Утром? Говорила про бумагу. Что последняя пачка отсырела. И ещё про деньги. Но это к делу не относится.

Он начал поправлять угол альбома. Матвей смотрел, как его пальцы неловко обходят открытую страницу.

— Почему не относится?

— Потому что мы с ней договорились. В пятницу я ей переведу.

— Она собиралась вернуться после обеда?

— Кажется, да.

— Кажется?

Сергей положил ладони на край стола.

— Я не понимаю, в чём меня обвиняют. У меня трое заказчиков сегодня, один альбом к юбилею послезавтра. Если Лида решила уйти, могла бы сказать прямо. Я бы нашёл мастера заранее.

Матвей открыл рот, но с улицы постучали. У двери стоял Виктор в тёмной куртке, с бумажным пакетом под мышкой. Сергей отпер ему без вопроса. Виктор вошёл, увидел Матвея и перестал улыбаться.

— А я тебе звоню. Ты не берёшь.

Матвей вынул телефон. Два пропущенных, сделанных несколько минут назад. Он не слышал: звук выключил ещё в мастерской, когда проверял магнитофон.

— Ты знаешь, где Лида?

Виктор поставил пакет на край стола. Из него показалась коробка печенья и пачка бумажных стаканов.

— Точного адреса не знаю. Она просила дать ей время.

— Ты с ней говорил?

— Сегодня, да.

— Когда?

Виктор расстегнул куртку, словно собирался задержаться. На манжете рубашки не было ни складки.

— Днём. Матвей, давай без этого темпа. Я вижу, что ты на взводе, но я же помочь пришёл.

Он говорил ровно, не понижая голос нарочно, и Матвей почувствовал стыд за то, как почти кричал на Сергея. Виктор всегда умел устроить вокруг дела достаточно места, чтобы остальные перестали сталкиваться локтями.

— Её телефон выключен, — сказал Матвей.

— Возможно, ей сейчас не хочется отвечать.

— Она матери ничего не сказала.

— Попросила меня. Нина Павловна начала бы волноваться, выспрашивать дорогу. Я передал, что всё нормально.

— Про работу?

— Про возможность поработать. Я деталей не знаю. Она сама расскажет.

Сергей отошёл к шкафу, достал папку с заказами и тут же убрал её обратно. Виктор повернулся к нему.

— С альбомом я завтра помогу отвезти, если мастер далеко. Договорись — напиши. Сергей кивнул с явным облегчением.

— А Рите ты что сказал? — спросил Матвей.

— Что Лиде нужно побыть одной. Это она тебе тоже написала, верно?

Матвей открыл переписку и протянул телефон. Виктор прочитал, не забирая его из руки.

— Вот. Она ведь не скрывает, чего хочет.

— У неё сумка дома. Собрана и оставлена.

Виктор внимательно посмотрел на него.

— Может, передумала брать.

Матвей рассказал про мокрую футболку, про чай и прокладку на блюде. Пока говорил, всё звучало мельче, чем на пустой кухне: взрослый человек забыл резинку от термоса, пролил чай, оставил неудачно собранную сумку. Он даже добавил, что Лида вполне могла спешить, словно помогая Виктору возразить.

— Видишь, — сказал тот. — Ты сам понимаешь. Не стоит сейчас по одной вещи решать за неё целую историю.

— Я ничего не решаю. Я не слышал её голоса.

— Напиши, что готов поговорить, когда она захочет. Без вопросов про адрес.

Матвей убрал телефон. Виктор поправил ручки бумажного пакета, аккуратно сложив одну поверх другой.

— Я поспрашиваю. Только обещай, что не начнёшь сам бегать по людям и требовать, чтобы её выдали. Рита уже испугалась.

— Чего?

— Она своё вспомнила. Ты же знаешь.

Сергей принялся выключать настольные лампы. В дальнем углу осталась гореть одна, освещавшая на стеллаже стопку плоских коробок. Матвей не знал, какая из них принадлежит Лиде. Спросить теперь означало согласиться, что он пришёл собирать за ней вещи.

На улице Виктор взял его за локоть, остановил под козырьком.

— Ты сегодня ел?

Матвей не помнил. Наверное, бутерброд утром.

— Вот и начни с этого. Домой дойдёшь?

— Дойду.

— Если что-то придёт, перешли мне. Я попробую понять, с кем она могла договориться. Может, там вообще всё проще.

Матвей переслал сообщение ещё до того, как дошёл до остановки. Потом дописал, что утром Лида была с обычной сумкой и говорила про ужин. Ответ пришёл сразу: «Понял. Занимаюсь».

4. До утра

Рита ждала возле его подъезда. На ней было короткое пальто поверх рабочего фартука; из кармана торчал сантиметр. Она, кажется, обнаружила его только тогда, когда Матвей подошёл, и сердито втолкнула внутрь.

— Покажи сумку.

Он молча открыл дверь. В лифте Рита смотрела на цифры этажей, потом сказала:

— Я дозвонилась до Нины Павловны. Никакого приглашения она не видела. Даже города не знает.

— Я был у Сергея.

— И?

— Семейные обстоятельства. Заказ передан.

Рита повернула к нему голову.

— Кому?

— Другому мастеру. Не знаю.

— Я не про заказ. Кто ему сказал?

— Витя.

Она ничего не ответила. В квартире прошла на кухню, не снимая пальто. Подняла за плечи синюю футболку, увидела полотенце на стуле и поставленный в мойку термос. Матвей показал кольцо.

— Она вчера сняла. При мне.

— А сегодня ты его не трогал?

— Нет.

Рита осторожно положила футболку туда, где взяла.

— Такое бывает, — сказала она, но на этот раз не уверенно, а проверяя слова на слух.

— Я знаю.

Она сняла пальто. На краю фартука тянулась белая нитка, Рита намотала её на палец и оборвала.

— Витя сказал мне, она нашла, где остановиться. Что просила никому не давать адреса. Я думала, если она тебе не отвечает...

— Я понял.

— Нет, подожди. Я подумала, что ты сейчас начнёшь её возвращать. А она не захочет. И я заранее с тобой разговаривала так, будто ты уже это делаешь.

Матвей сел на свободный стул. Второй занимала сумка, и Рита осталась стоять у мойки.

— Ты знаешь что-нибудь ещё?

Она посмотрела на него долго, с недоверием, которое ещё не успело исчезнуть.

— Я знаю, что не могу подтвердить, где она. И что она мне сегодня не отвечала. Давай начнём с этого.

Он хотел спросить о том, чего она не договорила. Вместо этого открыл переписку. Рита встала рядом, прочла сообщение Лиды и два его ответа. Палец Матвея завис над вызовом.

— Уже звонил? — спросила она.

— Семь раз.

Рита открыла холодильник, спросила, можно ли взять кастрюлю. Он пожал плечами. Она налила немного супа в ковшик, поставила на плиту и всё время, пока ждала, держала телефон в руке.

— Ты не обязан сейчас есть всю тарелку, — сказала она. — Хотя несколько ложек.

Матвей освободил ей стул, переставив сумку на пол. Полотенце положил под неё. Они сидели напротив друг друга, и между ними медленно остывал один ковшик. Рита достала

две ложки, попробовала суп, потом подвинула ковшик Матвею. Отдельную тарелку никто не достал. Он почувствовал вкус укропа и вспомнил, как Лида вчера жаловалась на этот суп, а сегодня пообещала вернуться к ужину.

— Поедем, — сказал он.

В отделе было тепло, пахло мокрыми куртками и бумагой из принтера. Пока они ждали, Рита сходила к автомату, вернулась с двумя стаканчиками воды и поставила один Матвею прямо в руку. Он выпил, хотя пить не хотелось. На стене висели листы, которые он пытался читать, но всякий раз терял строку на середине.

Олег Денисов провёл их в небольшой кабинет. У стола стояли два разных стула, один со спинкой выше другого. Матвей почему-то выбрал тот, что ниже. Рита села у двери.

Когда Денисов протянул ему чистый лист, Матвей долго не мог снять колпачок с ручки. Оказалось, его надо было открутить. Рита потянулась помочь, но он уже справился и написал Лидину фамилию. В букве «ы» вышла лишняя палочка. Он зачеркнул её, хотя мог просто начать строку заново.

Денисов спросил имя Лиды, возраст, адрес, когда её видели в последний раз. Матвей начал с сумки. Денисов дал ему закончить, затем вернулся к утру.

— Вы вместе вышли из квартиры?

— Да. Около восьми сорока. Она поехала на работу, в мастерскую на Садовой.

— Во что была одета?

Матвей увидел её у двери — руку с проездной карточкой, шарф, ботинок, который она придерживала пяткой. Куртку вспомнить не мог.

— Серая, — сказала Рита. — Длинная, с накладными карманами?

— Нет. Синяя. В серой молния сломана.

Он обрадовался тому, что всё-таки вспомнил. Рассказал про ботинки, повседневную сумку, волосы до подбородка. Нашёл фотографию, сделанную в августе: Лида шурилась на солнце и держала бумажный пакет с яблоками. Денисов попросил прислать её и сохранить переписку.

— Сначала мне сказали, что нужно дать ей время, — произнёс Матвей. — Но никто её не видел после обеда.

— Кто сказал?

Они назвали Виктора, Сергея, Нину Павловну. Денисов записывал контакты и уточнял, кто говорил с Лидой лично, а кто пересказывал чужие слова. На этом различии Матвей несколько раз споткнулся. Получалось, он тоже уже пересказывал, не замечая: говорил «её пригласили», хотя видел только мамино желание в это поверить.

Потом Денисов спросил, кто мог заходить в квартиру. Матвей перечислил их ключи, в том числе запасной, оставленный у Виктора. Ему вдруг захотелось оправдать эту подробность: объяснить про отпуск, про папоротник, про надёжного человека, который однажды приехал среди рабочего дня перекрыть воду. Но Денисов уже записал ответ и спрашивал о следующем.

— А заявление можно сейчас? — спросил он.

Денисов поднял глаза.

— Сейчас и принимаем.

Рита выпрямилась на стуле. Матвей положил телефон на стол экраном вверх. Там по-прежнему было одно короткое сообщение от Лиды, такое окончательное, что ему хотелось найти в нём опечатку.

— Между вами были разногласия в последние дни?

Он ответил не сразу.

За несколько дней до этого Лида сказала, что устала приходить домой и заранее выбирать, с чем к нему лучше не обращаться. Он спросил, почему она делает из него чужого. Она ответила, что чужим как раз бывает легче сказать. «Если тебе надо, уезжай», — произнёс он тогда.

Позже, когда Виктор заметил за общим столом, что Лида какая-то тихая, Матвей отвёл его на кухню и пожаловался на этот разговор. Повторил собственную фразу, будто подтверждение того, что никому ничего не запрещает, и добавил: «Пусть уезжает». Вернувшись к столу, он увидел Лиду у окна. Она складывала салфетку, выравнивая стиб большим пальцем.

— Обычные, — сказал Матвей. — Работали много. Уставали.

Рита посмотрела на него, но промолчала. Денисов спросил, говорила ли Лида о поездке или о намерении жить отдельно.

— Про поездку не говорила.

Он понимал, что ответил только на половину вопроса. Казалось, если сейчас произнести остальное, все сразу перестанут искать: у них появится готовое объяснение, простое и неприятное, и ему останется вернуться к сумке. К этому страху примешивалось желание выглядеть перед чужим человеком порядочным.

— Если вспомните что-то ещё, сообщите, — сказал Денисов. — Даже если кажется, что это к делу не относится.

— Сообщу.

Они вышли уже поздно. Дождь успел закончиться, под деревьями крупно капало с ветвей. Рита натянула на себя пальто и вдруг обнаружила, что фартук так и остался под ним.

— Дома поищи нормальную фотографию, где лицо близко, — сказала она. — Я тоже посмотрю.

— Рита.

Она остановилась.

Он мог сказать ей сейчас. Про тот разговор, про салфетку, про собственную глупую фразу. Вместо этого спросил:

— Ты сможешь завтра с утра быть на связи?

— Смогу.

Телефон завибрировал, пока они шли к остановке. Матвей вынул его слишком резко, едва не уронив. Писал Сергей: «У меня плоская коробка Лиды осталась. Она днём на стеллаж поставила. Серый футляр недоделанный сверху. Заберёшь?»

Матвей набрал: «Утром приду». Посмотрел на ответ, отправил и убрал телефон в ладонь, не пряча в карман.

5. Коробка

Сергей отпирал «Лист» обеими руками: одной тянул на себя дверь, другой поворачивал ключ. Матвей стоял рядом с пакетом, в который сунул на всякий случай сменную рубашку. Синяя футболка Лиды осталась дома на сушилке, термос — в мойке. Ночью он хотел выстирать футболку, потом решил, что не стоит пока ничего трогать, и теперь стыдился того, что даже в этом не сумел разобраться.

— Подтолкни снизу, — сказал Сергей. — Только не ногой. Рукой.

Дверь подалась. Они вошли в запах картона и холодного клея. Сергей поставил чайник и включил лампу над длинным столом. В утреннем свете мастерская была меньше, чем накануне: стеллажи, резак, два табурета, облупленный подоконник. С края стола свисала полоса красной ткани. Матвей машинально подобрал её, чтобы не наступить.

— Не складывай, там клеевой край, — предупредил Сергей и тут же забрал полосу. — Извини. С утра руки быстрее головы.

У Матвея зазвонил телефон. Виктор спрашивал, не было ли новостей за ночь. Матвей ответил, что не было, и отошёл от стола к окну.

— На Речной у тебя кто сегодня? — спросил он. — Может, она заезжала, что-нибудь забирала. Ты там спрашивал?

— Там спрашивать не у кого. Мои две комнаты и общий сторож. Что она могла забирать?

— Не знаю. Она в последнее время дома работала, могла материалы оставить.

— Если бы оставила, сказала бы. Но ты заезжай, если хочешь. После часа постараюсь быть.

Матвей записал в телефоне поворот после рынка: дорогу он каждый раз путал. Виктор объяснил, где лучше оставить машину, и попросил звонить, если Лида выйдет на связь.

— Ты только не один мотайся. Андрей сегодня недалеко, попроси его.

— Попрошу.

Сергей ждал, опираясь на край стола. Матвей убрал телефон, извинился и подошёл к шкафу. Обычные указания — какой поворот, где припарковаться — на минуту помогли ему сосредоточиться. С утра всё было будто раздвинуто слишком далеко: остановка, дверь мастерской, стол, до которого надо было дойти.

Коробка лежала на шкафу под рулоном бумаги. Сергей снял рулон, подержал в воздухе, не зная, куда положить, и прижал коленом к верстаку. Плоская коробка была перевязана тесьмой. На крышке карандашом стояли две цифры и слово «серый».

— Она во вторник сказала: пусть здесь побудет. Я и не вспомнил. У неё таких десять.

Матвей узнал коробку по продавленному углу. Зимой они несли её из магазина под снегом. Лида тогда прижимала покупку к груди, а он уверял, что лучше было заказать доставку. Она сказала, что двадцать минут пешком ей тоже нужны. Он помнил своё раздражение из-за мокрых ботинок и больше ничего о той прогулке.

— Ты с ней утром говорил?

— Поздоровались. Она порезала картон, сложила инструменты. Я к заказчику уехал.

— Во сколько?

Сергей вынул телефон, проверил вызов и назвал время. Матвей записал его. Сергей посмотрел на пакет в его руке.

— Ты завтракал?

— Потом.

— У меня сушки. Другого нет.

Он высыпал сушки на чистый лист бумаги. Одну надломил, поморщился и убрал половинки в ящик, словно они могли обидеть гостя. Матвей развязал тесьму.

Внутри лежал серый футляр с открытым боковым швом. Бумага на крышке напоминала мелкую ткань. Лида показывала ему пробный кусочек; он тогда потёр его между пальцами, удивившись, что никакой ткани нет. Под футляром обнаружился плотный конверт без надписи. В нём были три листа с неровными тёмными краями и записка на обороте магазинного чека.

«Сверить с квитанциями Веры Лукиной. Лично, не через В. Н. Бумаги Виктору не передавать. Сергею сказать после разговора с Верой».

Почерк был Лидин, с короткими перекладами у буквы «т». Последняя строка съезжала к краю чека. Матвей прочёл её ещё раз, надеясь найти обращение к себе. Записка выглядела как напоминание, написанное второпях, без расчёта на чужого читателя.

Сергей наклонился над его плечом.

— Что за бумаги?

Матвей прикрыл записку ладонью, потом убрал руку. Сергей уже прочитал.

— Не знаю пока.

На первом листе была расписка от имени Веры Лукиной: согласие на продажу настольной лампы и музыкального шкафа, деньги получены, претензий нет. Ниже — подпись. На втором, более бледном, перечислялись те же предметы с размерами и приметами. Третий был копией квитанции передачи покупателю. Несколько строк ушли за край снимка, но имя, фамилия и телефон сохранились: Алексей Буров.

— Это от выставки? — спросил Матвей.

Сергей вытащил очки из нагрудного кармана.

— Похоже. Я в эти расчёты не лез. У нас помещение для подготовки, Витя сам с хозяевами договаривался.

— Лида тебе про Веру ничего не говорила?

— Говорила, что та лампу ищет. Я сказал, спроси Виктора. Он же возил.

За дверью дёрнули ручку. Женщина в коротком пуховике прижала к стеклу пакет с альбомом. Сергей указал ей на часы, но она не уходила. Пришлось открыть.

— Мне только узнать. Пятница остаётся? У нас поезд в субботу, я потом не успею.

Сергей принял альбом, раскрыл его на столе подальше от коробки. Женщина показывала разошедшийся корешок и рассказывала, как её отец складывал туда билеты с гастролей. Матвей отодвинул бумаги. На странице альбома стоял молодой человек с трубой, а рядом другой, почти целиком отрезанный краем фотографии. Женщина придерживала страницу пальцем именно там, где второго человека не хватало.

— Лида обещала укрепить, чтобы листалось, — сказала она.

— Укрепим, — ответил Сергей.

— Это не к спеху, если испортить. Вы мне лучше скажите сразу.

Он пообещал позвонить вечером. Когда посетительница ушла, долго расправлял пакет, хотя альбом уже лежал на полке.

— Вчера сказал ей про семейные обстоятельства. Как Витя объяснил. Теперь не знаю, что говорить.

— Пока скажи, что ты отвечаешь за заказ.

Сергей кивнул, не глядя на него.

На стене за чайником висели снимки прошлых выставок. Матвей заметил Лиду у пустой витрины: обе руки в карманах фартука, голову склонила к плечу. На соседнем снимке Андрей разгружал машину у одноэтажного корпуса. Над дверью виднелся край старой синей вывески. Кто-то приколот к фотографии бумажную снежинку, и от вывески осталась только половина слова.

Сергей подал ему стакан. Вода была слишком горячей, чай ещё не заварился. Матвей поставил стакан между листами.

— Я отвезу Вере. У тебя есть адрес?

— Позвоню ей, узнаю, дома ли.

— Дай номер. Я сам.

Пока телефон гудел, Матвей смотрел на фамилию Виктора в своей переписке. Можно было переслать снимок расписки и получить объяснение за минуту. Он уже представлял ответ: старые документы, Вера передумала, надо поднять ведомость. Потом увидел под своим большим пальцем слова «не передавать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.